

Р.Ю. Белькович

ИНСТИТУТ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ США

Аннотация: Сопротивление централизованной власти является одной из наиболее устойчивых тем в истории политической мысли США. Однако необходимость этого сопротивления далеко не всегда постулируется представителями «прогрессивных» и революционных учений. Проблематика тирании и гражданского сопротивления имеет не меньшее значение для сторонников консервативных взглядов на общество и государство в Соединённых Штатах. В настоящей работе рассматривается движение народного ополчения (*militia*), представители которого выступают против расширения власти государства, опираясь на классическую республиканскую традицию. Идеология движения ополчения тесно связана с античными и средневековыми представлениями о человеке и его месте в политической структуре общества, вытесненными на обочину политической жизни современного либерального дискурса. Не выходя за конституционные рамки, сторонники движения указывают на утраченный социальный порядок, который они всё ещё полагают возможным восстановить. Движение ополчения рассматривается как проявление глубоко консервативных слоёв политического и культурного сознания населения США.

Ключевые слова: Политология, ополчение, *militia*, антифедералисты, палеоконсерватизм, конституция, тирания, восстание, США, традиция

Одним из наиболее противоречивых институтов, специфических для государственного устройства США, является народное ополчение (*militia*).¹ Этот институт закреплён во второй поправке к Конституции США, которая гласит: «Так как для безопасности свободного государства необходимо хорошо организованное ополчение, право граждан на владение и ношение оружия не должно нарушаться». В течение всей истории США текст этой поправки неоднократно становился поводом для академических дискуссий, политических противостояний и судебных разбирательств, что нашло отражение в значительном массиве научной литературы и публицистики, посвящённом как институту ополчения, так и праву владеть и носить оружие. Основные вопросы, рас-

сматриваемые применительно к ополчению состоят в том, в какой степени ополчение должно быть «хорошо организованным», и кто имеет право организовывать это ополчение. В целом, существует два магистральных направления толкования этой поправки. С точки зрения одних авторов ополчение должно быть контролируемо и регулируемо государством (в том числе и федеральными властями), с точки зрения других – оно относительно автономно от властных структур и представляет собой форму самоорганизации граждан, существующую в силу необходимости защиты их естественных прав, в том числе и от государства.

Проблемы, связанные с институтом ополчения, носят не только формально-юридический характер, они не сводятся к неоднозначности текстуального анализа. Природа конфликта лежит, безусловно, в идеологической плоскости. Дело в том, что институт ополчения (как и связанное с ним право на владение и ношение оружия) является отголоском традиции, альтернативной доминирующему политико-правовому дискурсу в США. Речь идёт о

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0227 «Палеоконсерватизм как феномен политической и культурной жизни США», реализованного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012-2013 гг.

системе взглядов, связанных с античными и средневековыми представлениями о природе человека, общества и властных институтов. В терминах конца XVIII века к этой традиции следует отнести антифедералистов, выступавших против централизованного национального государства, и отставивших идеалы самодостаточных и самоуправляемых небольших республик в рамках штатов.² Их воззрения были прочно укоренены в античных республиканских концепциях и средневековых феодальных институтах.³ Исторически антифедералисты проиграли политическую борьбу, и государственность в США планомерно развивалась по пути централизации и унификации, стиравшей региональные различия.

Однако даже исчезнув из «официального» политического пространства, рассматриваемая традиция осталась в коллективном сознании, превратившись в неотъемлемую часть национальной самоидентификации для многих граждан США. Одним из важных факторов выживания этой традиции стало законодательное закрепление некоторых её элементов, и в частности – института ополчения во второй поправке к Конституции США. Таким образом, дискуссии о значении последней есть по сути своей проявления принципиальной борьбы двух мироощущений – традиционного и прогрессивистского. Именно поэтому ополчение в современных США превратилось из обычного института в самостоятельное политическое движение ополчения (*militia movement*). Произошло это в силу того, что определённая часть населения стремится ликвидировать этот институт как рудимент чуждого либеральному обществу прошлого, тогда как для другой части общества он представляет ценность не только в силу своего прямого назначения, но и как механизм сохранения остатков традиции в стремительно меняющемся обществе.

² В качестве краткого введения в проблематику антифедералистов см. напр. Cornell S. *The Other Founders. Anti-Federalism and the Dissenting Tradition in America, 1788-1828*. Chapel Hill, 1999.

³ О республиканском влиянии на отцов-основателей см. напр. классические работы Pocock J.G.A. *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton, 1975; Wood G.S. *The Creation of the American Republic, 1776-1787*. Chapel Hill, 1998. О южных штатах в этом контексте см. Risjord N.K. *The Old Republicans: Southern Conservatism in the Age of Jefferson*. N.Y., 1965.

Следовательно, необходимо разграничивать само ополчение как исторически складывавшийся институт, в своё время органично вписывавшийся в систему общественных отношений, и ополчение как политическое движение, приобретающее вес в той мере, в какой сам институт ополчения утрачивал своё влияние.

Движение ополчения представляет собой разрозненные группы активистов, которые, ссылаясь на вторую поправку, организуют вооружённые отряды, периодически занимающиеся самостоятельной военной подготовкой, а также принимающие в случае необходимости участие в поддержании правопорядка. В частности, в 2000-х годах широкую известность получили группы ополченцев Техаса, патрулировавшие границу с Мексикой в целях пресечения нелегальной иммиграции.

Сложность изучения движения ополчения состоит в том, что, во-первых, оно является абсолютно децентрализованным. При этом отсутствие руководства движением является фундаментальным принципом его функционирования. В связи с этим невозможно точно установить количество человек, вовлечённых в движение ополчения, так как официальной информации подобного рода просто не существует.⁴ Во всяком случае, речь идёт о десятках тысяч членов в сотнях независимых организаций по всей территории США. Во-вторых, в настоящее время в Соединённых Штатах Америки движение ополчения представляет собой сферу маргинальной активности, являясь объектом непрекращающейся критики со стороны либерального истеблишмента. Тем не менее, необходимость изучения этого движения продиктована именно тем, что оно является законным наследником американской политической традиции. Масштаб кампании против движения лишь указывает на глубину противоречий, лежащих в фундаменте современных политических процессов в США.

Исторические корни движения ополчения можно обнаружить с одной стороны в античности, с другой – в европейском средневековье. Для античных авторов-республиканцев граждан – это прежде всего свободный человек, способный с ору-

⁴ Характерно то, что значительную часть информации об активности ополчений можно извлечь из материалов так называемых watchdog-организаций, противодействующих экстремизму. Например, из отчётов Anti-Defamation League.

жием в руках защищать себя, свою семью и своё отечество.⁵ Для древних именно эта готовность сознательного сопротивления угнетению и являлась отличительной чертой цивилизованных людей. Кроме того, именно наличие оружия у граждан и делало участие в политической жизни непосредственным – когда свобода зависит от личных действий (в том числе и военных) человека, власть не может быть отчуждена путём переложения политических прав и обязанностей на третьих лиц. Для греческого полиса или римской республики существование политической общности не предполагало разграничения граждан на участвующих в политической жизни и не участвующих в таковой. Политическая структура (во всяком случае, в теории) была слита с обществом, объединённым вокруг общих представлений о праве и справедливости, отражённых в законе.

Средневековые корни ополчения связаны с феодальной традицией, где политические отношения между сюзереном, вассалами и населением предполагали коллективное участие в военных делах в случае необходимости.⁶ Вассалы были обязаны нести службу сами и предоставлять в случае нужды вооружённые отряды подвластных им жителей. В Британии на уровне шира⁷ функции по созыву ополчения и в то же время по поддержанию правопорядка осуществляли шерифы. Население было обязано содействовать шерифу в осуществлении его функций. Впоследствии эти принципы формирования *posse comitatus* были перенесены и в колонии. Отцы-основатели сами участвовали в деятельности ополчения – прежде всего, в период Войны за независимость, кроме того, они всячески подчёркивали связь между его наличием и

возможностью существования истинно республиканского правления.⁸

Возникновение движения в его современном виде происходило в 60-е годы XX века, когда значительная часть населения США жила в страхе перед началом открытого вооружённого столкновения с Советским Союзом. Участники ополчения не были исключением, однако вместо того, чтобы полагаться на федеральное правительство, они начали подготовку к ведению партизанской войны на территории своих штатов точно так же, как это делали патриоты в период Американской Революции. Сторонники движения были совсем не одиноки в своих опасениях грядущего военного конфликта. Ощущение угрозы свободе республики никогда не было прерогативой военизированных групп – последние лишь положили это ощущение в основу своей постоянной практики. Сама концепция заговора против свободы уходит своими корнями как минимум в период Войны за независимость колоний. Ополченцы 60-х годов лишь актуализировали те опасения, которые были всегда присущи патриотам Соединённых Штатов.⁹

После краха советской системы и исчезновения образа очевидного врага на его место встал менее осязаемый, но от того ещё более опасный противник. Внимание участников движения переключается на идею Нового Мирового Порядка – они критикуют правительство США за то, что оно предаёт ценности республики, подчиняя её ООН и мировой финансовой системе ради своих экономических интересов. В этом смысле они повторяют идеи своих предшественников XVIII века: «Сохранение целостности требовало, с точки зрения многих антифедералистов, защиты от иностранного влияния».¹⁰

Другая опасность, которую видят ополченцы, состоит в возможности государственного переворота сторонниками коммунизма.¹¹ Этот переворот

⁵ Отсюда и то внимание, которое уделяют сторонники движения военной подготовке и защите права на владение и ношение оружием. Они прямо указывают на античных авторов, в частности – Цицерона, как на фундамент своих воззрений: «Зачем нам стража, зачем мечи? Нам не дано было бы их иметь, если бы не дано было их употреблять ... если жизнь наша в опасности от козней, от насилий, от мечей разбойников или недругов, то всякий способ себя оборонить законен и честен». Цицерон. Речь в защиту Тита Анния Милона // Цицерон. Избранные сочинения. М., 1975. С. 176.

⁶ Об истории ополчений в англо-саксонской традиции см. *Ansell S.T.* Legal and Historical Aspects of the Militia // *The Yale Law Journal*. Vol.26. No.6. Apr., 1917. Pp. 471-480.

⁷ Древняя административно-территориальная единица в Британии

⁸ См. напр. Washington. *Sentiments on a Peace Establishment // The Writings of George Washington*. Vol.26. Washington, 1938. Pp.374-398.

⁹ О подозрениях в заговоре против свободы в XVIII веке см. напр. *Wood G.S.* Conspiracy and the Paranoid Style: Causality and Deceit in the Eighteenth Century // *William and Mary Quarterly*. No.39. 1982. Pp.401-441.

¹⁰ *Storing H.J.* What the Anti-Federalists Were For // *The Complete Anti-Federalist*. Vol.I. Chicago, 1981. P.20.

¹¹ *Jones J.H.* *The Minutemen*. N.Y., 1968. P.5.

может быть как насильственным и открытым, так и тайным, внешне незаметным. В частности, избрание президентом Барака Обамы рассматривается (как ранее рассматривалось избрание Билла Клинтона) как захват власти социалистами, который стал возможен в силу притупления бдительности населения, уверенного в падении коммунизма.

Общей чертой этих угроз с точки зрения сторонников движения является то, что развитие негативных для США политических сценариев стало возможно в силу утраты населением контроля над властью. Это вызвано переносом акцента с полномочий штатов на непрерывно расширяющую своё влияние федеральную власть. Этот процесс, начавшийся ещё в XVIII веке с фактической победы федералистов, в качестве ключевой точки имел Гражданскую войну, в которой Север подавил сопротивление Юга, тем самым поправ принципы, заложенные в Декларации независимости. Начиная с ликвидации особой цивилизации южных штатов в период реконструкции федеральное правительство неуклонно подавляло все проявления свободомыслия и самостоятельной идентичности, свойственные отдельным штатам, округам и поселениям. В силу этого граждане США утратили чувство индивидуальной ответственности за происходящее, так как их участие в политической жизни стало практически номинальным. Происходящее в Вашингтоне столь же мало зависит от жителя небольшого города в Аризоне, сколь мало зависело происходящее в Англии от жителей её колоний в начале XVIII века. Таким образом, с точки зрения сторонников движения, в США произошла контрреволюция, «узурпация власти локального уровня и права сообществ на самоуправление».¹² Её попросту не заметила большая часть населения, утратившая представления о традиционных республиканских ценностях.

По мнению ополченцев власть только тогда может быть подкреплена доверием населения, когда она прекрасно представляет себе его нужды, и население в свою очередь имеет к ней доступ. Федеральная власть никогда не сможет обладать такими свойствами, так как она вынуждена представлять слишком разные культурно-исторические общ-

ности, сложившиеся в штатах.¹³ Там, где население перестаёт самостоятельно выполнять функции управления и отдаляется от политической жизни, к власти неизбежно приходят люди, стремящиеся воспользоваться своим положением в личных интересах: «Власть должна была оставаться у народа, однако, к сожалению, её прибрали к рукам люди, выступающие от имени правительства, такие как политики, бюрократы, судьи, адвокаты и пр.».¹⁴

В качестве альтернативы сложившейся системе государственной власти сторонники движения указывают на идеи антифедералистов, считавших Конституцию документом, призванным, прежде всего, ограничить федеральное вмешательство в дела штатов. Современные ополченцы высказывают те же самые идеи, для них не Конституция дарует гражданам права и свободы – граждане приобретают их в силу своей принадлежности к узкой общности на уровне штата и округа. Конституция не могла создать государственность на территории бывших колоний, так как Войну за независимость вели именно они – и они же стали в итоге этой войны суверенными республиками. Именно эти небольшие республики являлись идеалом, к которому обращались антифедералисты. Однако важно отметить, что идеал этот был выработан, конечно, задолго до событий Американской революции. Речь идёт об античных автономных общинах, объединённых коллективными ценностями, и предполагавших деятельное участие всех полноправных граждан в политической жизни. Понятие свободы в рамках этой концепции носит позитивный характер – свобода состоит в том, чтобы участвовать в определении будущего для себя, своей семьи и своей общины. Характерной чертой движения является то, что большинство его участников живут

¹³ Причина, по которой сторонники движения выступают против участия США в ООН совпадает с логикой их критики федеральной власти в самих Соединённых Штатах. Как федеральное правительство узурпирует суверенитет, который может принадлежать только штатам, так и ООН присваивает себе полномочия национальных государств.

¹⁴ Citizens Rule Book. Phoenix. P.3. Данная брошюра представляет собой популярный образец агитационной литературы ополчения, содержащей многочисленные выдержки из работ отцов-основателей, касающиеся прав граждан, сопровождаемые комментариями автора (в данном случае – анонимного).

¹² *Duncan C.M.* Men of a Different Faith: The Anti-Federalists Ideal in Early American Political Thought // *Polity*. Vol.26. 1994. P.394

в небольших городах или на фермах. Они связаны с землёй, которая ассоциируется у них с самой Америкой. Во владении землёй, как и их античные предшественники, американские радикальные республиканцы видят залог свободы и добродетели. Земля ассоциируется с жизненными силами, с ростом и процветанием, тогда как промышленность и технологический прогресс – с упадком и разложением.¹⁵ Таким образом, сторонники движения ополчения являются наследниками античной традиции, а не просвещенческих идей XVIII века.

При этом ополченцы полагают, что именно разрастание федеральной власти является причиной активной внешней политики США. Они полагают, что федеральная власть отражает интересы не населения, но крупного капитала, носящего по своей природе международный характер, а потому требующего активного вмешательства в дела других государств. Сами ополченцы являются противниками интервенционистской политики США, так как предпочитают держаться принципов 1776 года, которые требуют от нации заниматься своими делами и не вступать в международные конфликты. Военные силы должны быть сосредоточены на защите своей цивилизации в рамках национальных границ. В этом смысле современные ополченцы абсолютно последовательны – так, например, в период войны с Англией 1812 года члены ополчения, принимавшие в ней участие, отказывались вести военные действия за пределами США. Это произошло, в частности, в битве у Квинстонских высот, где ополченцы отказались входить на территорию Канады.

Очевидно, что подобные позиции движения не могут вызывать симпатии у представителей власти федерального уровня, тем более что фактически свой статус экстремистов сторонники ополчения унаследовали от своих идеологических предшественников – антифедералистов XVIII века. Идеи последних постепенно вытеснялись на обочину политической жизни в условиях становления централизованного государства, а затем и государства с имперскими амбициями.

¹⁵ Ср. у Цицерона: «Но из всех занятий, приносящих некоторый доход, сельское хозяйство – наилучшее, самое благодарное, самое приятное, наиболее достойное человека, и притом свободного». *Цицерон. Об обязанностях // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях.* М., 1974. С. 97.

Ополчение играло важную роль в раннем периоде существования колоний, так как именно оно было ответственно за защиту населения колоний от индейцев. Кроме того, идеологи освободительного движения в XVIII веке, критиковавшие регулярную армию как оплот монархической тирании, противопоставляли ей ополчение как эффективный способ защиты народа как от внешних врагов, так и от внутренних узурпаторов власти.¹⁶

Однако после Войны за независимость сторонники сильной федеральной власти стали рассматривать ополчение как угрозу централизации и потребовали создания профессиональной, подконтрольной федеральным властям армии. Процесс профессионализации армии был инициирован правительством в первой четверти XIX века и параллельно с ним начался процесс профессионализации и организации деятельности ополчения. В соответствии с Актом об ополчении 1903 года ополчение было разделено на две части, одна из которых приобрела статус Национальной Гвардии, чьё материально-техническое обеспечение было поручено федеральным властям, а военная подготовка – регулярной армии. Другая часть ополчения приобрела «резервный» характер, что, по сути, предполагало её постепенную ликвидацию. Однако принципиальным было не только изменение регулирования и подчинённости ополчения, но и постепенное смещение внимания общественности с иррегулярного ополчения на Национальную Гвардию. Благодаря известной доле государственной пропаганды она присваивала себе историю, в действительности принадлежавшую ополчению, что не могло не вызывать раздражение у тех, кто рассматривал ополчение, прежде всего, как инструмент борьбы с тиранией. Национальная Гвардия, фактически находящаяся в подчинении и на материальном обеспечении у федерального правительства, конечно, уже не могла выступать в качестве такого инструмента.

Для движения ополчения характерна вера в избранность американской нации. США с их точки зрения представляют собой своего рода эксперимент по созданию общества в соответствии с требованиями христианской религии. Такое общество,

¹⁶ *Spears J.R.H., William J.W. Indiana's Citizen Soldiers: The Militia and National Guard in Indiana History.* Indianapolis, 1980. P.3.

безусловно, не может представлять собой механическое сочетание не связанных друг с другом индивидов – оно должно быть республиканским в античном смысле этого слова, то есть представлять собой объединение людей, разделяющих общие представления о праве и добродетели. Само государство в таких условиях должно быть механизмом реализации этих общих представлений. На деле же оно совсем не отвечает этим требованиям – ссылаясь на концепции неотъемлемых прав, оно уравнивает всех граждан независимо от их личных качеств и ликвидирует исторически складывавшиеся социальные институты, призванные воплотить в жизнь требования справедливости. Неудивительно, что сторонники республиканских ценностей вынуждены занимать антигосударственные позиции. Однако последние основаны не на критике властных отношений как таковых, но на утрате ими своих нравственных основ.

Активисты, безусловно, не являются оппонентами власти как таковой, поскольку их гражданский республианизм по определению основан на существовании политических властных отношений. Однако само государство есть продукт общества, механизм, возникающий для реализации интересов и ценностей сложившейся социальной структуры. В этом смысле вовсе не государство, например, наделяет граждан правом владеть оружием – наоборот, в определённом смысле именно вооружённые граждане делают само государство возможным.¹⁷ В этом отношении даже Конституция, безусловными приверженцами которой являются участники движения, сама по себе есть лишь свидетельство существования органических сообществ в штатах. Права и свободы граждан возникли до позитивного права, которое лишь закрепило их. Следовательно, позитивное право не может и ограничивать эти естественные формы самоорганизации. Общество является первичным по отношению к государству, и Соединённые Штаты возникали как политическая структура, признающая этот примат: «Республиканизм с его акцентом на приоритете местных сообществ и локальных форм общественного объединения и политического участия представлял собой основу американского политического дискурса на раннем этапе существования страны».¹⁸

¹⁷ *Seul T.M. Militia Minds. PhD Thesis. Purdue University, 1997. P. 63.*

¹⁸ *Duncan C.M. Op.cit. P.392.*

Однако задуманные как образец, пример для всего мира, США утрачивают свой статус, если власть в них разлагается и проявляет ту же приверженность личным интересам и интересам крупного капитала, которую можно наблюдать и в других государствах. Поскольку активисты движения являются республиканцами, они не могут в этих условиях просто дистанцироваться от власти, существовать автономно – это противоречило бы их представлениям о должном порядке в обществе. Республиканская идеология требует от них активного участия в политических процессах, в данном случае – открытого противостояния разложению республики.

Несмотря на риторику национального единения, которой пользуются сторонники сильной федеральной власти, на деле происходит прямо противоположный процесс – лишённые региональной идентичности и связанные друг с другом лишь абстрактными категориями прав, люди становятся всё более отчуждёнными друг от друга и полностью посвящают себя своим личным, прежде всего, экономическим вопросам, утрачивая ощущение личной ответственности за судьбу своей страны.

Масштабы процессов, происходящих на местном уровне, просто не позволяют людям проявлять свои негативные качества в той мере, в какой это будет опасно для общества. С другой стороны, участвуя в делах тесно сплочённого общества, гражданин осознаёт свою связь с окружающими и ту пользу, которую он получает, когда действует на благо и в интересах своего сообщества.¹⁹ Поэтому с республиканской точки зрения эффективная реализация народной воли может иметь место только на уровне штатов и округов. На федеральном уровне утрачивается реальная связь между повседневной жизнью человека и политическими процессами, к которым обычный гражданин имеет уже самое косвенное отношение. Как писал Эндрю Джексон: «Не в блистательном Правительстве, поддерживаемом

¹⁹ С этим связана и тематика фронта, который представляет собой то (отчасти воображаемое) пространство, где соединяются стремление к независимости и стремление к идентификации с ценностями группы. Именно в условиях фронта наиболее очевидна причина скептического отношения к федеральной власти – она попросту слишком далека от проблем ежедневного выживания, которое зависит с одной стороны от личной инициативы, а с другой – от локальной взаимопомощи.

могучими монополиями и аристократическими установлениями найдут они счастье и защиту своих свобод; но в простой системе, лишённой помпезности – защищающей всех и не отдающей предпочтения никому».²⁰

В маленьком сообществе каждый находится на виду – его чувство личной ответственности за происходящее подкрепляется осознанием того, что все окружающие фактически осуществляют над ним постоянный контроль. Для человека, воспитанного в либеральной традиции, этот контроль представляет собой негативный фактор, ограничение индивидуальной свободы. Однако для республиканца сама свобода представляет собой возможность быть частью органичного целого, и необходимость подчинять воё поведение общественным нормам является тем, что отличает цивилизованного человека от варвара, не знающего политики, а следовательно – не знающего свободы.

Существование ополчения в том виде, в каком оно представлено сейчас, высвечивает проблему легитимности государственной власти. Противодействие федеральных властей движению ополчения свидетельствует прежде всего о том, что в нём государство видит угрозу своей монополии на осуществление насилия, да и в целом – угрозу доминированию федерального центра. Это вызывает необходимость активной пропаганды, объявляющей ополчение движением экстремистским. Движение является весьма уязвимой мишенью в силу того, что к нему, как к явлению, вытесненному на периферию политической жизни, с неизбежностью притягиваются разного рода маргинальные элементы, вольно или невольно выполняющие функции провокаторов. В связи с отсутствием какой-либо формы централизации и управления движением у него отсутствует единая стратегия, что позволяет оппонентам выбирать те формы активности, которые наиболее уязвимы для либеральной и прогрессивистской критики. Всё это в свою очередь ведёт к отдалению от движения более умеренных и социально адаптированных членов, осознающих невозможность ведения открытого диалога с властью и не желающих оказаться в зоне общественной изоляции. Тем более что в ряде случаев государство прибегает и к непосред-

ственному физическому насилию по отношению к людям, так или иначе связанным с ополчением.²¹

Движение ополчения, безусловно, не является однородным, что вполне естественно для принципиально децентрализованной формы активности. Существенное различие между группами состоит, прежде всего, в степени влияния либертарной идеологии на их членов. С одной стороны мы можем обнаружить группы, акцентирующие внимание на праве индивидов самостоятельно определять для себя формы поведения. Для сторонников такого рода взглядов проблема, связанная с федеральной властью, состоит как раз в том, что последняя подвергает всё население унифицирующему воздействию, ликвидируя местные особенности, которые в конце концов являются некой суммой индивидуальных особенностей проживающих на территории того или иного округа или штата граждан. В этом случае мы имеем дело, по сути, с консервативным либертарианством – консервативным потому что его сторонники опираются на прошлое, обнаруживая в нём необходимые основы построения свободного общества. С другой стороны мы встречаем взгляды радикальных консерваторов, исходящих из существования однозначных, вечных ценностей, воплощать которые было призвано государство. Их антиправительственная критика связана с тем, что отсутствие эффективных механизмов контроля над федеральной властью «снизу» приводит к утрате государством своей ценностной основы. В таком случае речь идёт чаще всего о разного рода группах христианских фундаменталистов. Однако этот полюс движения ополчения следует отделять от тех групп, которые считают саму Конституцию США документом, закрепляющим искажённое представление о действительности, и провоцирующим духовное разложение нации. Различие состоит в том, что движение ополчения всегда остаётся в рамках правового дискурса и связывает своё будущее именно с последовательным воплощением в жизнь конституционных норм.

Однако противники движения используют его относительно маргинальный статус для смешения

²⁰ *Andrew Jackson*. Protest, April 15, 1836 // *Messages of Gen. Andrew Jackson*. Boston, 1837. P.424.

²¹ В качестве примеров, на которые чаще всего ссылаются современные сторонники ополчения, можно привести события 1992 года в Айдахо, получившие названия «инцидента в Руби Ридж», а также осаду поместья Маунт Кармел в Техасе в 1993 году.

в общественном сознании совершенно разных явлений.²² Так, сторонников ополчения часто связывают с такими праворадикальными группами как «Posse Comitatus».²³ Последняя была организована в Портланде, штат Орегон в 1969 году. Её члены придерживались мнения о том, что власти выше уровня округа не являются легитимными. Члены группы полагали, что в случае обострения противостояния с СССР им придётся взять власть в свои руки и линчевать представителей власти, создающих угрозу свободе. Тем не менее, даже члены «Posse Comitatus» отрицали свою связь с движением ополчения, считая его частью коррумпированной системы. В отличие от движения ополчения, они не подчёркивали свою связь с Конституцией, так как не придавали особого значения и самой Конституции, считая её либеральным, атеистическим документом. С другой стороны, сторонники движения ополчения в свою очередь тоже открещиваются от подобных радикальных групп, так как сами они претендуют на то, чтобы занимать своё законное, традиционное место в общественной структуре в соответствии с Конституцией. Тем не менее, маргинализация ополчения привела к слиянию в общественном сознании совершенно разных по своей сути явлений, чему, безусловно, способствует либеральная пропаганда.²⁴

Следует в связи с этим обратить внимание на то, насколько важным для всего движения ополчения является категория закона. Именно Конституция США является ключевым аргументом в пользу существования движения в целом, и потому его сторонники

²² В качестве примеров литературы, рассматривающей ополчение как угрозу безопасности США см. напр. *Dees M. Gathering Storm: America's Militia Threat*. N.Y., 1996; *Abanes R. American Militias: Rebellion, Racism & Religion*. Illinois, 1996; *Stern K. A Force Upon the Plain, The American Militia Movement and the Politics of Hate*. Riverside, 1996 и др.

²³ Термин *posse comitatus* в системе общего права означает обязанность всех взрослых мужчин содействовать представителю правоохранительных органов в поимке преступника, подавлении мятежа и пр. Собственно говоря, институт *posse comitatus* (или *hue and cry* – как он обычно назывался в Англии как минимум с XIII века) продолжает действовать в США до сих пор в тех штатах, где он прямо не отменён.

²⁴ Следует однако признать, что границы между «умеренными» ополченцами и правыми радикалами являются достаточно подвижными.

вынуждены исповедовать максимально буквальное и однозначное прочтение закона. С другой стороны, это вызывает внутренний диссонанс в контексте политической истории движения, ибо его сторонники рассматривают в качестве своих предтеч антифедералистов, для которых Конституция США в том виде, в котором она была принята, являлась документом, искажавшим традиционные практики, сложившиеся на Американском континенте. Тем самым противоречивое положение движения ополчения отчасти задано его собственной внутренней противоречивостью.

Тем не менее, сама Конституция в условиях XX-XXI веков уже является достаточно «консервативным» документом, последним бастионом традиционалистов. Как и антифедералисты, в своё время указывавшие на то, что порядок ратификации Конституции противоречил Статьям Конфедерации, участники движения ополчения теперь вынуждены указывать на то, что федеральные власти стремятся пренебречь уже положениями самой Конституции. Таким образом, само функционирование групп ополчения становится способом защиты конституционных норм в условиях, когда ведение диалога с властью не имеет смысла. Сохранение движения является способом решения задачи, выходящей далеко за пределы целей, заложенных в самом институте. Если ополчение было призвано в XVIII веке защитить население от потенциальной тирании, то в XXI веке оно выступает в качестве напоминания о постепенном исчезновении той республиканской традиции, с которой связана независимость колоний.

Ряд тем и концепций, характерных если и не для движения в целом, то для значительной части его членов, был сознательно оставлен нами за рамками анализа. Речь идёт о воззрениях «суверенных граждан»,²⁵ противников налогообложения,²⁶ «верных клятве»²⁷ и др. Все они представляют безус-

²⁵ *Sovereign Citizens* – движение, сторонники которого полагают, что их отношения с государством носят договорный характер, и что договор этот может быть в любой момент разорван.

²⁶ *Tax-resistance movement* – движение, сторонники которого считают те или иные виды налогов неконституционными, нарушающими нормы общего права и т.д.

²⁷ *Oath Keepers* – некоммерческая организация, состоящая из лиц, несущих службу (и ветеранов) вооружённых сил США, пропагандирующая отказ от подчинения приказам или исполнения законов в том случае, если они противоречат с точки зрения гражданина Конституции США.

ловный интерес, и в них во многом проявляется специфика развития политико-правовой мысли в США. Однако в значительной степени эти движения являются уже совершенно маргинальными, и не претендующими на место *в рамках* публичного политического пространства. В этом смысле движение ополчения занимает особую, пограничную роль. Не выходя за конституционные рамки его сторонники указывают на во многом утраченную (и отчасти мифологическую) реальность, которую они всё ещё полагают возможным восстановить. И через эту живую традицию народного сопротивления государственной власти нам открываются глубокие слои политического и культурного мышления населения Соединённых Штатов.

Библиография:

1. Abanes R. American Militias: Rebellion, Racism & Religion. Illinois, 1996.
2. Andrew Jackson. Protest, April 15, 1836 // Messages of Gen. Andrew Jackson. Boston, 1837.
3. Ansell S.T. Legal and Historical Aspects of the Militia // The Yale Law Journal. Vol.26. No.6. Apr., 1917. Pp. 471-480.
4. Cornell S. The Other Founders. Anti-Federalism and the Dissenting Tradition in America, 1788-1828. Chapel Hill, 1999.
5. Dees M. Gathering Storm: America's Militia Threat. N.Y., 1996.
6. Duncan C.M. Men of a Different Faith: The Anti-Federalists Ideal in Early American Political Thought // Polity. Vol.26. 1994. Citizens Rule Book. Phoenix.
7. Jones J.H. The Minutemen. N.Y., 1968.
8. Pocock J.G.A. The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton, 1975;
9. Risjord N.K. The Old Republicans: Southern Conservatism in the Age of Jefferson. N.Y., 1965.
10. Seul T.M. Militia Minds. PhD Thesis. Purdue University, 1997.
11. Spears J.R.H., William J.W. Indiana's Citizen Soldiers: The Militia and National Guard in Indiana History. Indianapolis, 1980.
12. Stern K. A Force Upon the Plain, The American Militia Movement and the Politics of Hate. Riverside, 1996.

13. Storing H.J. What the Anti-Federalists Were For // The Complete Anti-Federalist. Vol.I. Chicago, 1981.
14. Washington. Sentiments on a Peace Establishment // The Writings of George Washington. Vol.26. Washington, 1938. Pp.374-398.
15. Wood G.S. Conspiracy and the Paranoid Style: Causality and Deceit in the Eighteenth Century // William and Mary Quarterly. No.39. 1982. Pp.401-441.
16. Wood G.S. The Creation of the American Republic, 1776-1787. Chapel Hill, 1998.
17. Цицерон. Об обязанностях // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1974.
18. Цицерон. Речь в защиту Тита Анния Милона // Цицерон. Избранные сочинения. М., 1975.

References (transliteration):

1. Abanes R. American Militias: Rebellion, Racism & Religion. Illinois, 1996.
2. Andrew Jackson. Protest, April 15, 1836 // Messages of Gen. Andrew Jackson. Boston, 1837.
3. Ansell S.T. Legal and Historical Aspects of the Militia // The Yale Law Journal. Vol.26. No.6. Apr., 1917. Pp. 471-480.
4. Cornell S. The Other Founders. Anti-Federalism and the Dissenting Tradition in America, 1788-1828. Chapel Hill, 1999.
5. Dees M. Gathering Storm: America's Militia Threat. N.Y., 1996.
6. Duncan C.M. Men of a Different Faith: The Anti-Federalists Ideal in Early American Political Thought // Polity. Vol.26. 1994. Citizens Rule Book. Phoenix.
7. Jones J.H. The Minutemen. N.Y., 1968.
8. Pocock J.G.A. The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton, 1975;
9. Risjord N.K. The Old Republicans: Southern Conservatism in the Age of Jefferson. N.Y., 1965.
10. Seul T.M. Militia Minds. PhD Thesis. Purdue University, 1997.
11. Spears J.R.H., William J.W. Indiana's Citizen Soldiers: The Militia and National Guard in Indiana History. Indianapolis, 1980.
12. Stern K. A Force Upon the Plain, The American Militia Movement and the Politics of Hate. Riverside, 1996.

Политика и общество 5 (101) • 2013

13. Storing H.J. What the Anti-Federalists Were For // The Complete Anti-Federalist. Vol.I. Chicago, 1981.
14. Washington. Sentiments on a Peace Establishment // The Writings of George Washington. Vol.26. Washington, 1938. Pp.374-398.
15. Wood G.S. Conspiracy and the Paranoid Style: Causality and Deceit in the Eighteenth Century // William and Mary Quarterly. No.39. 1982. Pp.401-441.
16. Wood G.S. The Creation of the American Republic, 1776-1787. Chapel Hill, 1998.
17. Tsitseron. Ob obyazannostyakh // Tsitseron. O starosti. O družbe. Ob obyazannostyakh. M., 1974.
18. Tsitseron. Rech' v zashchitu Tita Anniya Milona // Tsitseron. Izbrannye sochineniya. M., 1975.